

Оглавление

Введение	7
Анекдот и его фиксация	24
Виды источников с фиксациями анекдотов	32
Структура сюжетного фонда и эдиционные принципы Указателя	69
Указатель записей советских анекдотов	77
Революция и Гражданская война	77
Военный коммунизм и новая экономическая политика	81
РКП(б) — ВКП(б) — КПСС	88
Мировая революция. Строительство социализма. Коммунизм	143
Ленин	166
Троцкий	192
Сталин	202
Хрущев	248
Брежнев	269
Андропов	302
Черненко	307
Горбачев	311
Аппарат государственной безопасности	340
Репрессии и реабилитация	363
Отношение к советской власти	380
Жизнь в СССР	427
Коллективизация, колхозная жизнь и сельское хозяйство	466
Индустриализация, планирование и производство	494
Денежная система, изъятие ценностей, налогообложение и займы.	526
Голод, дефицит, дороговизна	537
Система распределения, очереди	565
Качество продукции и услуг	575
Квартирный вопрос, коммуналки, быт и городское благоустройство	587
Транспорт и дороги	595
Свобода выбора и свобода слова	601
Средства массовой информации	614

Религия	626
Образование и уровень культуры	631
Редактирование, опечатки, лозунги, сокращения	651
Анекдотчики	660
Социалистическая законность и милиция	664
Беспризорники, хулиганство, бандитизм	673
Коррупция, взятки, растраты, воровство на производстве	679
Армия	689
Пионерия и комсомол	706
Здравоохранение	709
Алкоголь	714
Отношение полов, семья, аборты, измена, алименты	730
Искусство	753
Наука	774
Космос	785
Чернобыль	790
Олимпиада	797
Перестройка	799
Чапаев	808
Штирлиц	822
Чукчи	838
СССР и мир в довоенный период	842
Гитлер, Германия и ее союзники	856
Советская армия и тыл в годы войны	884
Второй фронт. Анекдоты о Сталине, Рузвельте и Черчилле. «Новеллы союзников»	890
Солдаты на оккупированных территориях	898
Последствия войны. Анекдоты о генеральшах	901
СССР и мир в послевоенный период	908
Восточная Германия	932
Польша	939
Чехословакия	947
Китай	956
Афганистан	962
Автономные республики	964
Евреи	977
Борьба с космополитизмом и антисемитизм	994
Выезд	1013
Израиль	1026
Именной указатель	1036
Предметный указатель	1074
Список источников	1087

Введение

Термин «анекдот» (греч. *anekdotos* — «неизданное, не подлежащее широкой огласке») появился в середине VI века нашей эры в Византии благодаря труду Прокопия Кесарийского «Тайная история», посвященному развенчанию панегирических образов императора Юстиниана и его супруги Феодоры. Современники историка под этим словом понимали различные сплетни, слухи, кривотолки. Примерно это значение термин сохранил до середины XVII века¹; позже анекдотами стали называть рассказы о выдающихся исторических личностях, знаменитых людях, их необычайных поступках, суждениях или же о курьезных ситуациях, в которые они попадали.

Анекдот как жанровое обозначение появился в России в середине XVIII века. Прижившийся на русской почве в ходе усвоения европейской культурной традиции, анекдот некоторое время существовал исключительно как литературный жанр и являлся принадлежностью узкого круга образованных людей. Анекдоты в понимании человека XVIII–XIX веков представляли собой скорее тексты мемуарного характера, и в этом качестве — как источник очень неточный с фактографической точки зрения, но проливающий свет на «быт и нравы эпохи» — попали в центр целого ряда исторических исследований. При этом, что касается соотношения жанра литературного и исторического анекдота с анекдотом современного типа, важно понимать, что, несмотря на общее название и возможное влияние анекдота первого типа на анекдот как жанр городского фольклора, между ними существует довольно серьезная разница. Литературный и исторический анекдоты — первоначально письменные жанры, являющиеся частью дворянской культуры. Безусловно, часть текстов воспроизводилась и передавалась устно, но все же изначальной и основной формой существования для исторического и литературного анекдота является письменный или печатный сборник. Анекдот современного типа, напротив, изначально возникает как часть устной традиции и, при определенном стечении обстоятельств, фиксируется в сборниках или источниках других видов. Кроме этого, отличительной чертой анекдота фольклорного является наличие у него пуанта, т.е. смехового ядра, неожиданной и остроумной концовки. Анекдоты литературные и исторические неожиданной смешной концовкой в подавляющем большинстве случаев не обладают, более того — комическая составляющая для них совсем не обязательна. В «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара можно найти такое определение: «Анекдот — краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей

¹ Голубков А.В. *Анекдота и Ана: компилятивные жанры на исходе Средневековья // Жанры и формы в письменной культуре Средневековья / Сост. Ю. Иванова. М., 2005. С. 126—141.*

необычности, новости или неожиданности»². Целью его, согласно «Частной риторике» Н.Ф. Кошанского, было «объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели (иногда порока), сообщить любопытный случай, происшествие, новость»³. Со временем понимание термина «анекдот» меняется⁴. Ко второй половине XIX века под этим словом стали понимать нечто несерьезное и малозначащее.

Механизмы рождения анекдота современного типа для исследователей не вполне ясны. Он появился, вероятно, в ходе смешения «высоких» жанров исторического и литературного анекдотов, басни⁵ и притчи с рядом народных протоанекдотических форм, к которым относятся фатехии (смешной устный рассказ, пришедший в Россию из Польши и бытовавший чаще всего в виде надписи под лубочной картинкой⁶), байки, прибаутки и, прежде всего, бытовые и «заветные» сказки⁷. А.А. Демичев относит начало этого процесса к 60-м годам XIX века и связывает его с «Великими реформами» Александра II, давшими толчок комплексу взаимосвязанных изменений социальной структуры и, как следствие, массового сознания⁸.

Политический анекдот в современном понимании, т.е. жанр преимущественно городского фольклора, представляющий собой небольшой политически окрашенный пуантированный рассказ, появляется в начале XX века и быстро превращается в центральный жанр городской традиции, выполняющий функции жанров-предшественников, при этом гораздо более соответствуя ускоренному ритму городской жизни. По утверждению Е.Я. и А.Д. Шмелевых, после революции 1905 года, а именно после «Октябрьского манифеста», декларирующего свободу печати⁹, политический юмор являлся принадлежностью газет и журналов — ситуация, типичная для свободного буржуазного общества¹⁰. В это же время широкое распространение получает традиция бытового, неполитизированного анекдота, о которой мы можем судить по ряду сборников¹¹ и нескольким сатирическим произведениям, написанным в контексте этой традиции¹². Бытовые анекдоты — или тексты, под них мимикрирующие — попадали

² Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. 2. С. 303. Цит. по: Русский литературный анекдот конца XVII — начала XIX века. М., 2003. С. 7.

³ Кошанский Н.Ф. Частная риторика. СПб., 1832. С. 65—66. Цит. по: Русский литературный анекдот... С. 7.

⁴ Курганов Е. У нас была и есть устная литература... // Русский литературный анекдот... С. 6.

⁵ Курганов Е. Анекдот и басня: прошлое и настоящее // Анекдот как жанр. СПб.: Академический проект, 1997. С.16—18.

⁶ Державина О.А. Рассказы о женщинах и их хитростях в польских и русских сборниках фатехий XVII века (к истории русско-польских связей) // Славянская филология II: Сб. статей, посвященный IV Междунар. съезду славистов. Т. 1. 1958. С. 273—308.

⁷ Курганов Е. Анекдот, сказка и басня // Указ. изд. С. 13—16.

⁸ Демичев А.А. Образ суда в дореволюционном российском анекдоте. Н. Новгород, 2007. С. 8.

⁹ Впрочем и до манифеста издавались весьма острые сатирические журналы, обходившие цензурные ограничения с помощью «эзопова языка». В качестве примера можно привести журнал «Зритель», издававшийся с лета 1905 года и до своего закрытия выпустивший 17 номеров.

¹⁰ Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот в двадцать первом веке: трансформация реального жанра. — www.dialog-21.ru/Archive/2005/Shmelevy/Shmelevy.pdf.

¹¹ См., например: Рассказы, анекдоты и сцены из народного, немецкого, французского и американского быта: для дач и железных дорог сборник составленный по русским и иностранным авторам. М.: Д. Сытин, 1916.

¹² Например: Аверченко А. Искусство рассказывать анекдоты // Пантеон советов молодым людям. Берлин, 1924.

в многотиражные издания самого разного плана, где их можно найти рядом с рекламными объявлениями¹³ — для привлечения к последним внимания. Впрочем, тексты из дореволюционных изданий подобного рода — с сюжетами, устную природу которых практически невозможно доказать — очень напоминают авторские репризы, вряд ли получившие широкое распространение. Существовало при этом некоторое число анекдотов на политические темы, представление о которых можно получить из ряда дореволюционных эмигрантских изданий. Известные на данный момент дореволюционные сборники политических анекдотов¹⁴, изданные в эмиграции, несмотря на кричащие подзаголовки вроде «Эта книга в России запрещена, она издается в Париже»¹⁵, отличаются значительно большей степенью лояльности царскому режиму, нежели изданные уже в советское время — режиму большевистскому. Преимущественно эти издания состоят из текстов, которые в силу громоздкости вряд ли могли получить устную популярность, многие «анекдоты» не дают оснований для антиправительственной трактовки. Даже записи аутентичного политического фольклора начала XX века¹⁶, сделанные профессиональным фольклористом Н.Е. Ончуковым (1872—1942), отличаются узостью тем и значительной — по сравнению с советским периодом — мягкостью.

Согласно воспоминаниям старого большевика М.Н. Лядова, во время революции 1905 года начинают появляться первые анекдоты о большевиках и меньшевиках; впрочем, не очень понятно, имели ли они широкую популярность:

Рассказывали в то время такой анекдот: двое полицейских ведут вешать двоих — большевика и меньшевика. Конвоиры хотят выпить, но боятся оставить арестованных. Однако узнав, кто они, смело идут в кабак. Будь одни большевики или меньшевики, обязательно убежали бы, а раз те и другие вместе, заспорят и забудут про побег¹⁷.

В период между двумя революциями возникает огромное для России количество сатирических газет и журналов: по некоторым сообщениям, число зарегистрированных в 1905 году сатирических изданий приближалось к четырем сотням¹⁸. Отчасти благодаря популярности подобного рода изданий, выживание которых зависело от скорости «сатирического» реагирования на злобу дня, появляется культура политического юмора, которая охватывает все слои городского населения, в политическом поведении актуализуются самоирония и высмеивание как способ уничтожения противника [АМ 2010: 11—12]¹⁹. Способствовала этому процессу и активизация политической сатиры и журнально-газетной полемики между представителями разных политических

¹³ К примеру: *Перевошиков М.М.* Казань с планом. Казань, 1914.

¹⁴ К примеру: *Шутки русской жизни.* Берлин: Издание Гуго Штейница, 1903.

¹⁵ Анекдоты про русский двор: более ста смешных сказаний про русских царей. Париж, 1914. Впрочем, сборник этот был напечатан в американской типографии товарищества «Труд» (Питтсбург).

¹⁶ В РГАЛИ (Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 72. Лл. 1—15) хранятся черновые наброски его статьи о политических анекдотах, бытовавших в русском образованном обществе в конце XIX — начале XX в., материал из которых частично опубликован в: *Иванова Т.Г.* Из архива Н.Е. Ончукова // *Живая старина.* М., 1994. № 1. С. 46—47.

¹⁷ *Лядов М.Н.* Из жизни партии в 1903—1907 годах (воспоминания). М., 1956. С. 159.

¹⁸ *Исаков С.* 1905 год в сатире и карикатуре. М.: Прибой, 1928. См. также: *Дрейден С.* 1905 год в сатире и юморе. Л.: Кубуч, 1925.

¹⁹ Здесь и далее шифр [АМ 2010: x], где «x» — номер страницы, отсылает к совместному исследованию Александры Архиповой и Михаила Мельниченко «Анекдоты о Сталине: тексты, комментарии, исследования» (М.: ОГИ-РГГУ, 2011).

партий, произошедшая в 1917 году — между Февральским и Октябрьским переворотами²⁰. Все это стало прологом к кардинальному изменению жанра анекдота, случившемуся после 1917 года, когда дореволюционные анекдоты, преимущественно бытового характера, начали быстро терять актуальность и среди появляющихся новых сюжетов преобладающими стали политические. Ряд дореволюционных сюжетов, порою значительно видоизменившихся, получил популярность и в СССР. Продолжила свое существование и определенная традиция неполитизированного анекдота. Однако на первый план вышла новая сильно политизированная традиция, очевидно имевшая советский генезис, стремительное распространение которой заставило современников сомневаться в шансах на выживание привычной современникам традиции бытового анекдота²¹.

Политизация советского анекдота во многом была определена инициированными властями политизацией массового сознания и унификацией политического быта населения СССР, направленными на создание идеологически монолитного бесклассового общества. Благодаря значительному объему однотипной политической информации, получаемой как через СМИ, так и в сфере повседневной коммуникации, большинство населения овладевало знаниями, необходимыми для понимания значительной части анекдотических сюжетов. Тексты анекдотов, могущие распространяться только в случае, если они одинаково понятны рассказчику и слушателю, получили для жизни богатую питательную среду. В городе, как мы видим, к примеру, по Надзорным производствам Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде, анекдоты рассказывались на всех уровнях социальной иерархии: от безграмотных разнорабочих до представителей высших слоев советского общества. Этот факт приобретает особую важность на фоне тенденции к стремительному увеличению доли городского населения и, следовательно, числа носителей устной городской традиции, одним из основных жанров которой в рассматриваемый период являлся именно анекдот. Именно в это время происходит окончательное становление жанра и превращение анекдота в серьезный канал коммуникации для значительной части населения страны.

В первое десятилетие существования советского государства оно сквозь пальцы смотрело на стремительное развитие анекдотической традиции — допускалось даже издание сборников анекдотов²². В первом издании Большой Советской энциклопедии (1926) особо отмечалась такая разновидность жанра, как политический анекдот, «получающий в моменты политических кризисов большое агитационное значение, как своеобразное орудие политической борьбы»²³. В 1927 году в журнале «Новый Леф» появилась аналитическая публикация, посвященная анекдоту, которая стала на многие десятилетия единственной в отечественной историографии. Ее автор, В. Перцов, не цитируя ни одного анекдота, утверждал, что «похабный жанр» в условиях построения нового общества уступает место политическому анекдоту, производителями и потребителями которого являются представители обоих полюсов советского общества:

²⁰ Подробнее см.: Дрейден С. 1917 год в сатире и юморе. М., 1923; *он же*. Русская революция в сатире и юморе. М., 1925.

²¹ Перцов В. Анекдот. Опыт социологического анализа // Новый Леф, 1927. № 2. С. 42.

²² Вирпис А. Сборник анекдотов. Вып. 1. Тверь, 1927; Оцмах Б. Анекдоты и остроты из еврейского быта. Краснодар, 1927.

²³ БСЭ. М., 1926. Т. 2. С. 743.

Ответственный советский работник-революционер — собирательный тип — выдумывает и продвигает анекдот как еще одну формулу борьбы. Он без зазрения совести выставляет в смешном виде самые высокие государственные титулы, как только они представляются ему достойными осмеяния в лице их конкретных носителей. Бич анекдота бьет тем злее, чем меньше нужно размахнуться, чтобы ударить. На противоположном полюсе тот же анекдот может сыграть прямо противоположную роль. «Конкретный носитель зла» не отделяется здесь от присвоенного ему государственного революционного титула. Нэпман, смакуя этот анекдот, показывает советской власти онанистический кукиш в кармане. Никто не может отнять у побежденного класса в эпоху диктатуры пролетариата возможность самоудовлетворения. И обратно: анекдот, сочиненный нэпманом, попадая в революционную среду, может при известных условиях стать революционным орудием и сигналом²⁴.

Конец двадцатых годов представляет собой важную веху в истории взаимодействия жанра и власти — новый этап характеризуется усилением давления на носителей традиции — так, согласно записи от 13 мая 1929 года в дневнике историка И. Шитца, «ГПУ будто бы циркулярно распорядилось преследовать анекдоты, задевающие советскую власть» [ШИ 1991: 115]²⁵. Подтверждения в официальных документах эта информация на сегодняшний день не нашла, однако об изменении отношения власти к жанру говорят не только такие факты, как высылка иностранных граждан за рассказывание политических анекдотов²⁶, но и заметное уменьшение источниковой базы для изучения анекдотов тридцатых годов, в частности — сокращение числа фиксаций в источниках личного происхождения. Необходимо отметить, что, судя по публикациям судебных дел и книг памяти, в первую очередь правоохранительные органы интересовали жанры, подразумевающие «коллективное» воспроизведение, — до второй половины тридцатых годов почти нет информации о преследовании за рассказывание анекдота и значительное количество дел за публично пропетую частушку или песню «с клеветническим выпадом в сторону одного из вождей советского государства», «порочащих колхозный строй» и т.д., но со временем изменения в репрессивной политике советского руководства привели к тому, что и рассказанный анекдот, содержащий самый незначительный намек на какие-либо присущие советской жизни черты, стал восприниматься как «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти» и часто становился поводом для преследований со стороны властей²⁷. Как известно, наказание за антисоветскую агитацию (АСА) и контрреволюционную агитацию (КРА) согласно десятому пункту 58-й статьи уголовного кодекса не имело верхнего предела, однако это не остановило развития жанра — упоминания об «анекдотистах» (или «анекдотчиках»)

²⁴ Перцов В. Указ. соч. С. 42.

²⁵ Здесь и далее по всей работе ссылки на литературу устроены следующим образом: если в тексте работы есть ссылка на источник, материалы из которого внесены в Указатель, то она обозначается квадратными скобками: [МН 1915—1933(14): 52об.] (список использованных источников — в конце книги). Если ссылка на литературу окказиональна, то она дается в качестве подстрочной сноски.

²⁶ См. примечание к тексту № 792А.

²⁷ Саркисов А.Н. Я был в окопах, играл в оркестре, служил на Лубянке ... // Народный архив: Альманах. М., 1993. С.41.

можно найти в каждой третьей информационно-аналитической сводке ОГПУ—НКВД о настроениях населения²⁸.

На долгое время анекдот становится жанром противозаконным — рассказанный или даже услышанный анекдот мог стать поводом для преследования со стороны государства. Только на очень небольшой срок — в годы Великой Отечественной войны — происходит временная и очень условная легализация жанра, модели которого активно использовались советскими пропагандистами, что на некоторое время позволило текстам анекдотов оказаться на страницах официальных периодических изданий. Отмечаемая многими мемуаристами потребность фронтовиков в юморе приводила к тому, что публикуемые в центральных газетах и в местных «боевых листках» репризы и карикатуры, пересказываемые солдатами, превращались в часть анекдотической традиции. При этом связь между традицией и сатирической антинемецкой публицистикой была двусторонней — давая фольклору новые сюжеты, пресса также заимствовала пуанты старых советских анекдотов, переделанные на новый лад — во фронтовой периодике насчитываются десятки текстов авторских фельетонов (причем в качестве авторов нередко выступали рядовые бойцы, приславшие письма в редакции фронтовых газет), очевидно восходящие к ранее широко распространенным анекдотическим сюжетам (часть этих текстов приведена в Указателе в качестве вариантов сюжетов).

В послевоенные годы советская анекдотическая традиция выбирается за пределы границ СССР и серьезно увеличивает географию своего распространения. До войны ряд анекдотических сюжетов советского происхождения (или же сюжетов бродячих, но на тот период проассоциированных с советскими реалиями) был известен как в сопредельных странах, так и в странах — потенциальных противниках или союзниках (Германия, США и пр.). Происходило это за счет деятельности русской эмиграции и местных антисоветски настроенных средств массовой информации. При этом некоторые сюжеты становились или уже были частью местной традиции — например, ряд одинаковых анекдотов о Гитлере и Сталине примерно в одно и то же время фиксировался в Германии и в СССР. Однако после войны происходит своеобразная экспансия советской традиции, приведшая к значительной унификации фонда анекдотических сюжетов стран, оказавшихся в зоне советского влияния. При анализе анекдотов стран социалистического лагеря — ГДР, Польши, Румынии и пр. — выясняется, что значительная часть актуальных послевоенных сюжетов носит «общесоветский» характер²⁹. Можно предположить, что начало близости анекдотического фольклора России и, к примеру, стран Прибалтийского региона и Польши было положено в дореволюционной России,

²⁸ Шинкарчук С.А. Политический анекдот 1920—30-х годов как отражение общественного мнения // Личность и власть в истории России XIX—XX вв. СПб., 1997. С. 278.

²⁹ Тексты анекдотов и их анализ см. в: *Niculescu G., Dana M. Bancurile politice în țările socialismului real : Studiu demologic.* Bucuresti, 1999. 309 p.; *Ember M. Politikai viccgyűjtemény.* Budapest, 1989. 103 p.; *Krikmann A., Laineste L. (Eds). Permitted Laughter: Socialist, Post-Socialist and Never-Socialist Humour.* Tartu: EKM Teaduskirjastus (в печати); *Krikmann A. Jokes in Soviet Estonia. A paper presented to the 18th ISH Conference at the Danish University of Education.* Copenhagen. July 2006 — http://www.folklore.ee/~kriku/HUUMOR/Nlj_sovpol.pdf, а также довольно любопытную с точки зрения публикации материалов (переводы на русский язык «польских» анекдотов периода социализма), но весьма спорную с точки зрения их интерпретации (ни один из приведенных автором в качестве примера носителя культурологических стереотипов сюжет не является исконно польским — все это заимствования из «общесоветского» фольклора) статью: *Монахова М.О.* Отражение памяти в культурологических стереотипах (на материале анекдотов) // Вопросы гуманитарных наук. М., 2002. № 6. С. 341—351.

однако очевидно, что ничто не может сравниться с потоком заимствований, стартовавшим в середине сороковых годов XX века и на тот период представленным сюжетами о поведении советских солдат на оккупированных территориях, а немного позже — о жизни стран социалистического лагеря.

Политические изменения, вызванные смертью Сталина, привели к заметному уменьшению опасности, связанной с рассказыванием анекдотов. Естественно, легализован жанр не был, но гипотетическое наказание за рассказанный анекдот, согласно 190-й статье УК РСФСР («Клевета на советский государственный строй...») не должно было превышать семи лет, на практике же — в источниках второй половины существования советского государства не удается найти информации ни об одном достоверном случае судебного преследования за рассказанный анекдот.

Все эти факторы благотворно сказываются на популярности жанра, что позволяет и современникам, и исследователям воспринимать 1960—1980-е годы как золотой век советского анекдота. Вопрос «новый анекдот слышал?» становится едва ли не одним из вариантов приветствия, а рассказывание анекдотов — популярной формой проведения рабочего времени. Государство, не имея возможности контролировать эту сферу коммуникации, предпочитало не замечать то, что не может изменить. Только изредка слово «анекдот», исключенное из всех библиографических указателей по фольклору³⁰, прорывалось в печать — так, в 1964 году в официальной прессе в статье с весьма характерным названием «За это надо драться!» появилось первое упоминание об анекдоте — некто Николай Курицын, проходчик шахты и студент-заочник, в письме «дорогой редакции» рассказывает о своих наблюдениях за рассказчиками анекдотов, оказавшимся с ним в одной очереди в сберкассе: «насчет неурожая с издевкой проезжают, об отдельных нехватках наших язвят. Да так, словно все это им чужое. <...> В оскале их широко раскрытых ртов, где-то в глубине мне привиделось что-то скользкое, серое, противное... На меня глянула сама пошлость»³¹. Далее, в очень значительном по объему письме, занимающем половину газетной полосы, автор в граните отливает картину современной ему советской жизни, описывая свое путешествие из Магадана в Москву. Завершается послание весьма показательно: Курицын желает собрать несколько десятков таких злопыхателей и отправить не в тюрьму и не в лагерь, времена уже не те, — пишет он, — а в путешествие от Москвы до Находки, чтоб они пересчитали все достижения СССР и подвели сальдо, а потом объявили его на Красной площади — и это был бы уже не анекдот, а «русское, советское чудо!».

Близка по духу курицынской статья «Шепотом из-за угла»³², опубликованная в газете «Комсомольская правда» спустя почти два десятка лет и посвященная анекдотам о «любимом нами с детства герое гражданской войны». Появилась статья как ответ на письмо некоего А. Иванова из Николаева, желающего обсудить с читателями газеты кощунственное остроумие застольных анекдотов, однако получившийся текст больше похож на приговор «гражданской инфантильности, идейной незрелости и политической наивности» рассказчиков анекдотов. В ней высказываются предположения о наличии у большинства анекдотов вполне конкретных авторов, руководствующихся стремлением

³⁰ *Архитова А.С.* Анекдот и его прототип... С. 16.

³¹ За это надо драться! // *Известия*. 29 февраля 1964 года.

³² *Неруш В., Павлов М.* Шепотом из-за угла // *Комсомольская правда*. 1982. 15 октября. С. 4.

«если не погубить, то хотя бы унижить, размыть и опоганить» лучшие чувства советских людей и лишит советскую молодежь героических идеалов.

В таком виде — как явление весьма распространенное, безусловно глубоко безнравственное с точки зрения главенствующей идеологии, но уже не расстрельное, анекдот доживает до перестройки, когда судьба его сильно меняется. За два года до развала СССР появляется первая публикация анекдотов в советской прессе — статья В. Бахтина в «Литературной газете»³³, вызвавшая очень широкий резонанс, неоднократно перепечатанная и рецензировавшаяся в периодике 1989—1990 годов³⁴. Начинают издаваться сборники анекдотов, целиком посвященные политической устной традиции или просто содержащие в себе политические анекдоты. Востребованность подобного рода изданий привела к своеобразному буму анекдотопечатания, что не преминуло сказаться на качестве подборок анекдотов — в обилии стали публиковаться очень сомнительные тексты, вероятно никогда не имевшие хождения в СССР, которые, благодаря особенностям данного сегмента книжного рынка, стали перебираться из сборника в сборник, увеличивая разрыв между реальной традицией советского анекдота и ее книжной версией, на материалах которой исследователи делают и будут делать выводы не только о советском анекдоте, но и обо всем советском обществе в целом.

* * *

Общественные настроения присущи даже обществам, в которых человек лишен возможности открыто выразить свое мнение, только находят они выражение в альтернативных формах массовой коммуникации. Для советского общества одним из каналов неформальной коммуникации на политические темы становится анекдот, превратившийся на долгие годы в едва ли не самый востребованный в СССР фольклорный жанр. Значимость этого явления сложно оспаривать — советский анекдот представляет собой огромный массив информации, относящейся к фактически не контролируемой государством сфере межличностного общения, и, в силу фольклорной природы, энциклопедию политических стереотипов мышления, присущих рядовому советскому человеку. Практически любое имевшее резонанс событие становилось поводом для возникновения нового анекдотического сюжета, в считанные дни облетавшего страну. Текст имеет шанс попасть в фольклор и начать существовать, передаваясь из уст в уста, только если он одинаково понятен и рассказчику, и слушателю, что делает советский анекдот индикатором понимания рассказчиком обстановки в государстве. Понимание этого факта с первых лет существования советского строя привлекало к анекдоту внимание — сначала критически настроенных по отношению к новому строю публицистов Русского зарубежья, позже — западных и отечественных исследователей. Однако, несмотря на, казалось бы, пристальное внимание к этой теме, абсолютное большинство обращений к материалу представляет собой окказиональный пересказ конкретных сюжетов или воспроизведение исчислимого ряда довольно общих мыслей.

Отечественная историография анекдота в силу определенных причин не очень велика. Перу отечественных исследователей принадлежит ряд классических работ³⁵, посвященных

³³ Бахтин В. Вчера мне рассказывали анекдот // Литературная газета. 1989. 17 мая. С. 16.

³⁴ Волин В. 222 отклика на одну публикацию: Анекдоты «Клуба ДС» — с бородой и без // Литературная газета. 1989. 16 авг.; Андраша М. От страха к смеху // Крокодил. 1991. № 15.

³⁵ Пропп В.Я. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне) // Ученые записки ЛГУ. № 46. Серия филол. наук, вып. 3. Л., 1939; он же. Проблемы комизма и смеха. М., 2002;

смеху в народной культуре, однако проблема соотношения политической действительности и смеховой культуры на протяжении многих десятилетий оставалась вне поля зрения советских ученых³⁶. Обращения советской литературы к анекдотам тоже весьма немногочисленны — после уже упоминавшейся статьи 1927 года в журнале «Новый Леп» анекдот надолго уходит в глухое подполье. Словосочетание «политический анекдот» исчезает даже из статьи «анекдот» во втором издании Большой Советской энциклопедии³⁷. Все академические статьи признают лишь исторические и литературные анекдоты, изучение которых в отечественной историографии со второй половины XX века носит систематический характер. Особенно повезло в этом плане анекдотам о Петре Великом, отразившим «с большей или меньшей степенью достоверности не только фактическую канву жизни Петра I, но и те представления, слухи, домыслы, одобрительные или осудительные суждения, которые циркулировали в стране и при его жизни, и уже после его смерти»³⁸ и ставшим для исследователей своеобразным зеркалом, «отражавшим общественное мнение XVIII века». Теории литературного и исторического анекдота в целом³⁹, а также их фольклорному модусу⁴⁰, проблеме соотношения анекдота устного и литературного⁴¹, художественной специфике анекдота⁴² в советской и российской историографии посвящены десятки научных исследований. При этом ценные теоретические и методологические наработки на материалах литературного и исторического анекдота не вполне применимы к советскому анекдоту. Советский анекдот представляет собой часть устной демократической традиции. Анекдот в XIX веке, несмотря на то, что большинство исследователей признают наличие в нем черт, присущих фольклору, все же является малым жанром мемуарной повествовательной прозы⁴³. Преемственность между советским анекдотом и анекдотом XIX века очень невелика и мы не можем говорить о историографической преемственности изучения этих жанров.

Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; *он же.* Рабле и Гоголь: Искусство слова и народная смеховая литература // *Бахтин М.* Искусство литературы и эстетики. М., 1975; *Лихачев Д.С., Панченко А.М.* «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1976.

³⁶ Обращения к этой проблеме современных российских исследователей затрагивают советский материал в очень незначительной мере. См., к примеру: *Разуваев В.В.* Политический смех в современной России. М., 2002; *он же.* Народный смех в советской политической культуре 60—80-х годов // Независимая газета. 2000. 7 окт.

³⁷ БСЭ. М., 1950. Т. 2. С. 439.

³⁸ *Анисимов Е.В.* Анекдоты // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 330—331. См. также: *Эйдельман Н.Я.* Грань веков: Политическая борьба в России (конец XVIII — начало XIX столетия). М., 1982; *Павленко Н.И.* «Достопамятные повествования» Нартова о Петре Великом // Россию поднял на дыбы... М., 1987. Т. 2.

³⁹ *Мелетинский Е.М.* Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров // Жанры словесного текста: Анекдот // Учебный материал по теории литературы. Таллин, 1989. С. 59—77; *Дробова Н.П.* Биографические предания о русских писателях XVIII в. как историко-литературное явление // XVIII век. Проблемы историзма в русской литературе. Л., 1981. Сб. 13.

⁴⁰ *Былов В.М.* «Деяния Петра Великого» И.И. Голикова как материал для изучения фольклора XVIII века // Русский фольклор. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 120—133; *Плюханова М.Б.* История юности Петра I у П.Н. Крекшина // Труды по русской и славянской филологии (Литературоведение). Тарту, 1981. Вып. XXXII. С. 17—39; *Райкова И.Н.* Петр Первый в русских народных преданиях, легендах, сказках и анекдотах. М., 1993.

⁴¹ *Нойманн З.* Анекдот // Народные знания. Фольклор. Народные искусства. М., 1991. Вып. 4.

⁴² *Петровский М.А.* Морфология новеллы // *Ars poetica*. М., 1927. Вып. 1.

⁴³ *Никанорова Е.К.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001. С. 3.

Первая отечественная статья, посвященная анекдоту как жанру фольклора⁴⁴, была опубликована лишь в 1989 году⁴⁵. С тех пор в отечественной историографии вопроса появилось несколько десятков работ, авторы которых в большинстве своем рассматривают советский анекдот в рамках фольклористики и лингвистики, уделяя внимание проблемам формирования текста анекдота из прототипических форм⁴⁶, жанровой трансформации анекдотических текстов⁴⁷, языковым особенностям персонажей и клишированным формулам в анекдотах⁴⁸. Следует отметить и ряд работ, посвященных такой стороне жанра, как рассказывание анекдота⁴⁹ и социологический подход к анекдоту⁵⁰, рассматривающий социальные функции юмора как такового и политического анекдота в частности. Особняком стоит психологический подход к изучению анекдота как продукта, отражающего скрытые основы человеческого деятельности⁵¹. В ряде публикаций анекдот рассматривался как источник, отражающий ментальность тех или иных групп, и носитель культурологических стереотипов⁵².

⁴⁴ Белоусов А.Ф. Дополнения к «Материалам по современному ленинградскому фольклору» // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот. Таллин, 1989. С. 152—159.

⁴⁵ Существует, однако, более ранняя работа (обнаруженная А.С. Архиповой — см: Архипова А.С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра: Дис. канд. фил. наук. М., 2003), возможно, имеющая отношение к анекдоту: Яхин А.Г., Бекиров М.Х. Опыт структурно-типологического исследования жанров (анекдоты, байки). Казань, 1979. Ознакомление с ней затрудняется тем, что она написана на татарском языке.

⁴⁶ Архипова А.С. Анекдот и его прототип... С. 16.

⁴⁷ Каспэ И.М. Кривое антизеркало. «Советский» и «постсоветский» анекдот: проблемы жанровой трансформации // НЛО. 2000. № 43. С. 327—334.

⁴⁸ Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М., 2002; *они же*. Клишированные формулы в современном русском анекдоте — <http://ivgi.rsu.ru/folklore/shmelev2.htm>; Шмелева Е.Я. Анекдоты об армянском радио: структура и языковые особенности — <http://ivgi.rsu.ru/folklore/shmeleva1.htm>; Переходнюк О.В. Язык современного русского анекдота // Русская речь. 1997. № 5. С. 124—127.

⁴⁹ Смолицкая О.В. Перформанс как жанрообразующий элемент советского анекдота — <http://www.ruthenia.ru/folklore/smolitskaya1.htm>; Руднев В. Прагматика анекдота // Даугава, Рига, 1990. № 6. С. 99—103; Пушкарёва О. Пародирование как способ сюжетно-композиционной организации анекдота // Филологические науки. 1996. № 2. С. 35—41.

⁵⁰ Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. М., 1996; Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М., 1998. Бутенко И.А. Из истории «черного юмора» // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 43—52; *она же*. Юмор как предмет социологии // Социологические исследования. 1997. № 5. С. 135—141; Мошкин В., Руденко Д. Детский политический анекдот // Социологические исследования. М., 1996. С. 23—35; Манкевич И.А. Анекдот как феномен социальных коммуникаций // Вестник Омского Университета. 2005. № 2. С. 94—97.

⁵¹ Дружинин В.Н. Анекдот как зеркало русской семьи // Психология семьи. М., 1996. С. 119—130; Копылкова Е.А. Анекдот как средство переживания национальной идентичности: на материале еврейских анекдотов: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006; *она же*. Социально-психологический анализ особенностей еврейской национальной идентичности на материале еврейских анекдотов // Материалы Одиннадцатой ежегодной международной конференции по иудаике Сэфер. Ч. 2. Академическая серия. Вып. 16. М., 2004. С. 494—503; *она же*. Еврейские родители сквозь призму анекдота // Корни. № 21. М.—Киев, 2004. С. 63—81; *она же*. Еврейский анекдот как материал для анализа семейных отношений // Тирош — труды по иудаике. Вып. 7. М., 2005. С. 144—152.

⁵² Анашкин Г. Анекдот как концентрированное выражение ментальности // А.С. Пушкин и российское историко-культурное сознание. Провинциальная ментальность России в прошлом, настоящем и будущем: Третья междунар. конференция по истории психологии рос. сознания. Самара, 1999. Т. 5. Вып. 1. С. 21—22; Брикер Б., Вишевский А. Юмор в популярной культуре советского интеллигента 60-х — 70-х годов // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1989. V. 24. P. 147—170; Воробьева М.В. Анекдот как феномен повседневной культуры советского общества (на материале анекдотов 1960—1980-х годов): Дисс. канд. культурол. наук.

В 2002 году была опубликована работа И.Б. Орлова и А.Я. Лившина, в которой исследователи относят анекдот и частушку к группе нетрадиционных источников — необходимых для того, чтобы получить «адекватную информацию о настроениях и жизненных ориентациях населения, обозначить систему приоритетов в этих настроениях»⁵³, исходя при этом из понимания того, что «при отсутствии естественных форм проявления (через реакцию властей, например), общественное мнение проявляется через действие таких публичных механизмов, как фольклор»⁵⁴. Несмотря на это советский анекдот в исторических исследованиях последних лет используется недостаточно, преимущественно привлекаясь в качестве иллюстративного материала. К примеру, в работе О. Великановой «Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам», строящейся во многом на анализе зафиксированных осведомителями НКВД—ОГПУ высказываний простых людей, мы можем найти тексты анекдотов из информационно-аналитических сводок, которые автор приводит как один из способов реализации потенциала ненависти по отношению к Ленину⁵⁵.

Для отечественной исторической науки изучение советского анекдота находится в непосредственной связи с публикациями источников, содержащих тексты анекдотов. Можно выделить ряд статей, рассматривающих советский анекдот как памятник исторический — в первую очередь это публикации, посвященные конкретным коллекциям. Среди них обращают на себя внимание статьи А. Марчукова⁵⁶ и В. Любченко⁵⁷. Отдельного рассмотрения заслуживает одна из наиболее используемых и цитируемых статей по истории анекдота в ранний период существования СССР — публикация Р.М. Янгировым текстов анекдотов 1920-х годов, в «Новом литературном обозрении» в 1998 году⁵⁸. Во вступительной статье автору удалось выявить чрезвычайно интересные материалы, проливающие свет на бытование анекдотов в советском обществе. Автор первым привлек внимание фольклористов и историков к записям анекдотов, сделанным американским журналистом Евгением Лайонзом. Но его подход к публикации собственно фольклора не выдерживает никакой критики — в его статье содержатся сильные искажения текста источника. Тексты, взятые Янгировым из разных источников, опубликованы вперемешку, без ссылок. Происхождение текста с трудом устанавливается даже при хорошем знании исходных материалов — некорректная литературная обработка ставит под вопрос научную ценность подобных публикаций. Кроме того в данной статье содержится ряд ошибок в переводе, приводящих к неверному пониманию текста.

Попытки рассмотреть анекдот как источник по истории представлений массового сознания предпринимались только на дореволюционных материалах. Так, историк из

Екатеринбург, 2008; Монахова М. Отражение памяти в культурологических стереотипах (на материале анекдотов) // Вопросы гуманитарных наук. М., 2007. № 6. С. 341—351.

⁵³ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. С. 7.

⁵⁴ Там же. С. 9.

⁵⁵ Velikanova O. The public perception of the cult of Lenin based on archival materials // Slavic Studies. Vol. 6. P. 80.

⁵⁶ Марчуков А. Маленький мир с маленькими людьми: Советский политический анекдот в дневниках украинского литератора // Родина. М., 2002. № 2. С. 81—85.

⁵⁷ Любченко В. Евреи в городском политическом фольклоре Украины 1920-х годов: анализ дневниковых записей академика С.А. Ефремова // Тирош — труды по иудаике. М., 2003. Вып. 6. С. 175—188.

⁵⁸ Янгиров Р.М. Анекдоты «с бородой»: Материалы к истории неподцензурного советского фольклора 1918—1934 // НЛЮ. М., 1998. № 31. С. 155—174.

Нижнего Новгорода А.А. Демичев посвятил целый ряд статей⁵⁹ рассмотрению дореволюционных анекдотов о судебной системе; он изучал анекдот как источник, отражающий отношение «городской образованной публики»⁶⁰ к мировому суду.

Западная историография изучения различных юмористических форм, подробный обзор которой опубликован в 2001 году А.С. Архиповой⁶¹, по понятным причинам богаче отечественной. Феномен советского анекдота привлек внимание западных публицистов уже в первой половине 1930-х годов. Первым англоязычным обращением к теме советского неподцензурного юмора стала найденная А.С. Архиповой в журнале «Current History» за 1930 год статья Лео Гласмана «Большевики как юмористы»⁶², в которой приводятся образцы народного творчества и высказываются предположения об авторстве анекдотов. Однако более заметной стала публикация Евгения Лайонза, корреспондента UPI, прожившего в Москве 6 лет и собравшего, благодаря блестящему знанию русского языка, коллекцию анекдотов. В изданной после отъезда из СССР книге «Московская карусель» автор посвятил советскому неподцензурному фольклору отдельную главу, в которой мы можем найти не только тексты анекдотов, но и мысль о том, что анекдот является одной из форм коммуникации в советском обществе⁶³. Лишь как публикация материалов заслуживает внимания собрание⁶⁴ американского журналиста Вильяма Генри Чемберлена, который находился в Советской России в качестве корреспондента газеты «Christian Science Monitor» с 1922 по март 1934 года и в это время вел дневник. Круг его общения в основном состоял из просоветски настроенной интеллигенции и партийных деятелей — и Чемберлен фиксировал ходящие именно в этих кругах тексты. Перечисленные статьи ценны как источник, содержащий записи ранних советских анекдотов, аналитическая же часть, как у большинства ориентированных на массового читателя публикаций, довольно слаба. Все три автора рассматривают анекдот как жанр антисоветский, демонстрирующий нелюбовь народа к советской системе.

Период после Второй Мировой войны был очень продуктивен в деле изучения анекдота. Результатом творческих усилий зарубежных исследователей стали десятки томов, посвященных как феномену анекдота в целом, его теории и конструированию концепции жанра⁶⁵, попыткам объяснить его с точки зрения психологии⁶⁶, рассмотрению

⁵⁹ Неполную библиографию публикаций А.А. Демичева, посвященных дореволюционному юридическому анекдоту как историческому источнику (10 статей) см. в его монографии: Демичев А.А. Образ суда в дореволюционном российском анекдоте. Н. Новгород, 2007. С. 62—64.

⁶⁰ Демичев А.А. Дореволюционный юридический анекдот как источник изучения мирового суда // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2007. № 6. С. 176.

⁶¹ Архипова А.С. Анекдот в зарубежных исследованиях XX века // Живая старина. М., 2001. № 1. С. 30—32. См. также: Еленевская М. Юмор и насилие: смеховая культура иммигрантов из стран бывшего СССР в Израиле // Израиль глазами «русских»: культура и идентичность (Сб. памяти Баруха Киммерлинга) / Отв. ред. Е. Носенко. М., 2008. С. 60—64.

⁶² Выражаем признательность А.С. Архиповой за ссылку на данную публикацию: Glassman L.M. The Bolsheviks as humorists // Current History. 1930, July. P. 721—724.

⁶³ Lyons E. Red Laughter // Lyons E. Moscow Caroussel. N.Y., 1935. P. 323—340 или Lyons E. Red Laughter // Lyons E. Modern Moscow. L., 1935. P. 260—274; Lyons E. Stifled laughter // Harper's Monthly Magazine. 1934. № 170; Lyons E. Our Secret Allies: The Peoples of Russia. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1954.

⁶⁴ Chamberlin W.H. Russia's Iron Age. Boston, 1934; Chamberlin W.H. The «Anecdote»: Unrationed Soviet Humor // Russian Review. 1957. Vol. 16.

⁶⁵ Weber V. Anekdoten. Die andere Geschichte. Tübingen, 1993.

⁶⁶ Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.—М., 1997.

анекдота в гендерном аспекте⁶⁷, так и конкретным циклам: этническим⁶⁸, сексуальным⁶⁹, садистским⁷⁰ и абсурдистским⁷¹ анекдотам. Для историографии исследования именно советского анекдота важен тот факт, что к нему обратились уже не журналисты, а ученые. Более чем полувековая история осмысления этого феномена в западной историографии дает нам значительное количество статей, посвященных политическому юмору в целом и советскому анекдоту в частности как одному из компенсаторных механизмов борьбы с психическим и социальным стрессом⁷² или форме протеста против официальной идеологии⁷³. Отдельно стоит выделить относительно недавнюю статью⁷⁴ Е. Оринга, в которой автор анализирует западную историографию феномена политического юмора

⁶⁷ *Flieger J.A.* The Purloined Punchline: Joke as Textual Paradigm // *Modern Language Notes*. 1983. V. 98. № 5. P. 943—967; *Legman G.* Rationale of the Dirty Joke: An Analysis of Sexual Humor. Second series. N.Y.: Breaking Point, 1975; *Reinche N.* Antidote to Dominance: Women's Laughter as Counteraction // *Journal of Popular Culture*. 1991. V. 24. № 4. P. 27—39; *Ries N.* Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika. Ithaca & L.: Cornell UP, 1997.

⁶⁸ *Bennett D. J.* The Psychological Meaning of Anti-Negro Jokes // *Fact*. 1964. V. 1. № 2. P. 53—59; *Davies C.* Jewish Jokes, Anti-semitic Jokes and Hebreonian jokes // *Ziv A.* Jewish Humor. Tel Aviv: Papyrus; Tel Aviv University, 1986. P. 59—80; *Davies C.* Ethnic Humor Around the World: A Comparative Analysis. Bloomington: Indiana UP, 1990; *Dundes A.* A Study of Ethnic Slurs: The Jew and the Polack in the United States // *JAF*. 1971. V. 84. № 332. P. 186—204; *Reik T.* Jewish Wit. N.Y., 1962.

⁶⁹ *Legman G.* Rationale of the Dirty Joke: An Analysis of Sexual Humor. Second series. N.Y., 1975.

⁷⁰ *Hirsch R.* Wind-Up Dolls // *WF*. 1964. V. 23. № 1; *Sutton-Smith B.* Shut up and Keep Digging: the Cruel Joke Series // *Midwest Folklore*. 1960. V. 10; *Abrahams P. D.* Ghastly Commands: The Cruel Joke Revisited // *Midwest Folklore*. 1961. V. 11. № 4. P. 235—246; *Schimaier M.* The Doll Joke Pattern in Contemporary American Oral Humor // *Midwest Folklore*. 1963. V. 13. № 67.

⁷¹ *Dundes A., Abrahams P.* On Elephantasy and Elephanticide // *Dundes A.* Analytic Essays in Folklore. Mouton, 1975. P. 192—205; *Dundes A.* Slurs International: Folk Comparisons of Ethnicity and National Character // *Southern Folklore Quarterly*. 1975. V. 39. № 1. P. 15—38.

⁷² *Bokun B.* Humour Therapy in cancer, psychosomatic diseases, mental disorders, crime, interpersonal and sexual relationships. London, 1986; *Dixon N.F.* Humor A Cognitive Alternative to Stress? // *Stress and Anxiety*. Vol. 7. Washington D.C., 1980. P. 281—289; *Draitser E.* The Art of Storytelling in Contemporary Russian Satirical Folklore // *Slavic and East European Journal*. Albany, 1982. V. 26. № 2. P. 233—238; *Draitser E.* Comparative Analysis of Russian and American Humor // *META: Journal des Traducteurs*. 1989. V. 34. № 1. P. 88—90; *Draitser E.* Soviet Underground Jokes as a Means of Popular Entertainment // *Journal of Popular Culture*. 1989. V. 23. № 1. P. 117—125; *Draitser E.* Sociological Aspects of the Russian Jewish Jokes of the Exodus // *Humor*. N.Y., 1994. V. 7. № 3. P. 245—267; *Farrer D.* The Soviet Folktale as an Ideological Strategy for Survival in International Business Relations // *Studies in Soviet Thought*. Kluwer Academic Publishers, 1973. V. 13. № 1. P. 55—75; *May R.* Man's Search for Himself. N.Y., 1953; *Lefcourt H.M., Martin R.A.* Humor and Life Stress: Antidote to Adversity. N.Y., Berlin, Heidelberg, Tokyo, 1986; *O'Konnel W.E.* Freudian Humour. The Eupsychia of Everyday Life // *Humour and Laughter. Theory, Research, and Applications*. London, 1976. P. 313—330; *Nilsen D.L.F.* The Social Functions of Political Humor // *Journal of Popular Culture*. 1990. V. 24. № 3. P. 35—49; *Thurston R.W.* Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935—1941 // *Journal of Social History*. 1991. V. 24. № 3. P. 541—562; *Wade T.* Russian Folklore and Soviet Humor // *Journal of Russian Studies*. 1988. V. 54; *Yurchak A.* The Cynical Reason of Late Socialism: Power, Pretence, and the Anecdote // *Public Culture*. 1997. V. 9. P. 161—188.

⁷³ *Beckmann P.* Hammer and Tickle. Clandestine Laughter in the Soviet Empire. Boulder: The Golem Press. 1980; *Draitser E.* Soviet Underground Jokes as a Means of Popular Entertainment // *Journal of Popular Culture*. 1989. V. 23. № 1. P. 117—125; *Nilsen D.L.F.* The Social Functions of Political Humor // *Journal of Popular Culture*. 1990. V. 24. № 3. P. 35—49; *Thurston R.W.* Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935—1941 // *Journal of Social History*. 1991. V. 24. № 3. P. 541—562; Советский Союз в зеркале политического анекдота / Сост. Д. Штурман, С. Тиктин. Иерусалим: Экспресс, 1987.

⁷⁴ *Oring E.* Risky Business: Political Jokes under Repressive Regimes // *Western Folklore*. 2004. Vol. 63. P. 209—236.

в авторитарных обществах и рассуждает о природе политического юмора вообще, обращаясь в том числе к советскому материалу. Статья ценна также наличием ряда фрагментов интервью эмигрантов второй волны о культуре рассказывания анекдотов.

Важно, что тексты довоенных анекдотов в послевоенные исследования практически не попали. Использование анекдотов, имевших хождение преимущественно в эмигрантской среде в 1960—1980-х годах, приводило к ряду упрощений, что зачастую не позволяло западным ученым воссоздать адекватную картину бытования советского анекдота. По совершенно справедливому замечанию А.С. Архиповой, помимо наличия в ряде работ, посвященных советскому анекдоту, множества фактических ошибок, подчас нелепых, вызывают некоторый скепсис также ряд теоретических допущений, дающих основание западным ученым подозревать всех рассказывающих анекдоты (т.е. по устоявшемуся мнению подавляющее большинство населения СССР) в антисемитизме и пассивном диссидентстве⁷⁵.

В целом западная историография ориентирована на позднюю традицию советского анекдота. Несмотря на наличие трех небольших по объему, но довольно ценных англоязычных публикаций текстов советских анекдотов 1930—1940-х годов, довоенные материалы иностранными исследователями рассматриваются очень фрагментарно. Исключением является монография одного из крупнейших западных специалистов по советской истории Шейлы Фитцпатрик «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город», которая, помимо этого, является и одним из немногих примеров использования анекдотов в серьезном историческом исследовании. В главе «Разговоры и те, кто их слушал» исследователь уделила внимание «жанрам народного творчества, менее стесненным, чем официальные средства выражения мнения», к которым Фитцпатрик относит анекдоты, слухи и частушки. По утверждению историка, эти жанры были «были для граждан способом показать кукиш советской власти, и соблазн сделать это был тем сильнее, что от публичных выступлений обычно требовалась ханжеская благонамеренность⁷⁶». Опираясь в том числе на записи политического фольклора из информационно-аналитических сводок НКВД, хранящихся в т. наз. «Смоленском архиве», исследователь демонстрирует возможности жанра как одного из способов неформальной коммуникации. При этом, сравнивая анекдотические сюжеты и реальные жизненные коллизии⁷⁷, Фитцпатрик показывает степень психологической достоверности фольклорного текста.

Отдельного обращения заслуживает историография анекдота стран бывшего социалистического лагеря, однако степень разработанности в ней советского анекдота определяется степенью соотношения в национальных анекдотических традициях оригинальных и общесоветских сюжетов. Проблема анекдота стран социализма только недавно стала объектом серьезного научного осмысления — и в первую очередь заслуга в этом принадлежит профессору тартуского университета Арво Крикманну, одному из организаторов международного симпозиума «Постсоциалистический анекдот» в Тарту в 2007 году. Перу Крикманна принадлежит ряд трудов, посвященных этническим и политическим эстонским анекдотам⁷⁸. Однако к сфере научных интересов Крикманна

⁷⁵ Архипова А.С. Анекдот и его прототип... С. 16.

⁷⁶ Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 221.

⁷⁷ Там же. С. 222.

⁷⁸ Krikmann A., Laineste L. (Eds): Permitted Laughter: Socialist, Post-Socialist and Never-Socialist Humour. Tartu: EKM Teaduskirjastus (в печати); Krikmann A. Jokes in Soviet Estonia. A paper

и его эстонских⁷⁹, польских⁸⁰, болгарских⁸¹ и румынских⁸² коллег скорее относится поздняя анекдотическая традиция стран социализма и ее функционирование в современных условиях, часто судьба этой традиции при попадании в интернет⁸³.

В историографии не существует комплексной модели, описывающей существование анекдота как одной из форм передачи политических смыслов. Достижения ряда гуманитарных дисциплин не интегрированы между собой, отчего историография изучения советского анекдота крайне фрагментарна. Отечественной исторической наукой этот жанр устной традиции признан в качестве исторического источника, однако при этом отсутствует целостное представление о специфике анекдота и степени отражения в нем представлений массового сознания. Скепсис историков по отношению к анекдотам хорошо понятен и во многом справедлив. Одной из центральных проблем изучения устной традиции является проблема соотнесения фольклорного текста и внетекстовой реальности, получившая развитие в трудах В.Я. Проппа⁸⁴, Б.Н. Путилова⁸⁵, А.К. Байбурина, Г.А. Левинтона⁸⁶ и С.Ю. Неклюдова⁸⁷. На сегодняшний день данная проблема не потеряла своей актуальности: согласно справедливому замечанию С.Ю. Неклюдова, на это указывают хотя бы ряд исследований по «устной истории», мало учитывающих коммуникативные особенности устной традиции, изучаемые фольклористикой⁸⁸. Общим моментом для современного гуманитарного знания является понимание того факта, что фольклор содержит в себе не конкретную историческую информацию, а матрицы общественного

presented to the 18th ISH Conference at the Danish University of Education, Copenhagen, July 2006 — http://www.folklore.ee/~kriku/HUUMOR/Nlj_sovpol.pdf.

⁷⁹ *Laineste L.* Researching Humour on the Internet. *Folklore*. Vol. 25; *Laineste L.* Targets in Estonian Ethnic Jokes Within the Theory of Ethnic Humour (Ch. Davies). *Folklore*. Vol. 29; *Laineste L.* Characters in Estonian ethnic humour (1890—2004). *Folklore*. Vol. 29; *Laineste L.* Poliitilised anekdoovid postsotsialistlikus Eestis Delfi Naljalehe näitel [Political jokes in post-socialist Estonia on the Delfi joke page]. *Keel ja Kirjandus*. Vol. 50. № 1; *Laineste L.* The Politics of Joking: Ethnic Jokes and Their Targets in Estonia (1880's — 2007). *Folklore*. № 40.

⁸⁰ *Brzozowska D.* Jokes in Poland at the Turn of the Century. W.: Świat humoru, red. S. Gajda, D. Brzozowska, Opole 2000: 111—120; *Brzozowska D.* Internet Jokes as an Intercultural Phenomenon. W.: Man within Culture at the Threshold of the 21th Century, red. E. Rewers. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza. Poznań 2001: 56—65; *Brzozowska D.* Funny or aggressive? Pragmatic analysis of national stereotypes in an advertisement — a case study, «Stylistyka» 2006: 385—398; *Brzozowska D.* Jokes, identity, and ethnicity. W.: New Approaches to the Linguistics of humor, red. Diana Popa, Salvatore Attardo, Galati: Editura Academica: 2007: 88—96.

⁸¹ *Станоев С.* Отношение власть—общество в рассказывании анекдотов в посттоталитарный период в Болгарии // Постсоциалистический анекдот. Тарту, 2007 — <http://www.folklore.ee/rl/fo/konve/joke07/teesid.pdf>.

⁸² *Пона Д.Е.* Политический юмор в публичной сфере в Румынии // Постсоциалистический анекдот. Тарту — <http://www.folklore.ee/rl/fo/konve/joke07/teesid.pdf>.

⁸³ *Крикманн А.* / *Krikmann A.* Netinalju Stalinist / Интернет-анекдоты о Сталине / Internet humor about Stalin. Tartu, 2004.

⁸⁴ *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. С. 83—115.

⁸⁵ *Путилов Б.Н.* Героический эпос и действительность. Л., 1988.

⁸⁶ *Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* О соотношении фольклорных и этнографических фактов // *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. 32. 1983. P. 3—31; *они же.* К проблеме «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» // *Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов*. Л., 1984. С. 229—245.

⁸⁷ *Неклюдов С.Ю.* «Сценарные схемы» жизни и повествования // *Русская антропологическая школа. Труды*. Вып. 2. М., 2004. С. 26—36; *он же.* Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // *АБ* — 60. Сб. статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб., 2007. С. 77—86.

⁸⁸ *Неклюдов С.Ю.* Заметки об «исторической памяти» в фольклоре. С. 77.

сознания, нередко имеющие мифологический генезис⁸⁹, что ставит под сомнение ценность анекдота как источника фактографической информации.

Политические настроения населения СССР и его отношение к советской власти в той или иной мере отразились в целом ряде исторических источников: дневниках, воспоминаниях, художественной литературе, «письмах во власть», данных перлюстрации писем и сводках о настроениях населения партийных органов и ОГПУ—НКВД; последние три источника особенно важны для историков по причине того, что в довоенный период не существовало публичных социологических служб, не проводились социологические опросы, и эти источники стали одними из основных каналов поступления высшему советскому руководству информации об обществе. Однако каждый из них обладает своей спецификой, определяющей степень его информативности и достоверности, и совершенно очевидно, что только комплексное исследование по всем типам источников способно приблизить ученого к созданию целостной картины общественных настроений советского периода. Кроме того, специфика источниковой базы — а именно наличие в ней сравнительно небольшого количества массовых источников, могущих быть обработанными с помощью статистических методов — оставляет открытым не только вопрос о ее количественном расширении, но и о привлечении качественно новых типов источников. Наличие огромного массива информации, относящегося к слабо контролируемой государством сфере коммуникации и могущего быть рассмотренным с применением статистических методов исследования и контент-анализа, с одной стороны, и состояние источниковой базы по истории общественных настроений советского периода, с другой, определяют важность изучения советского анекдота. Основная причина невнимания отечественных историков к столь значительному сегменту массовой коммуникации видится прежде всего в отсутствии значительных по объему научных публикаций текстов советских анекдотов. Настоящее издание представляет собой попытку восполнить эту недоработку.

* * *

Автор выражает глубокую признательность коллегам, на разных этапах работавшим с текстом, чьи ценные замечания и советы немало способствовали улучшению книги: директору Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ д. филол. наук С.Ю. Неклюдову, профессору кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций РГГУ д. ист. наук А.Ю. Бахтуриной, зав. отделом современного фольклора Государственного республиканского центра русского фольклора канд. филол. наук М.Д. Алексеевскому, руководителю Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН канд. ист. наук А.В. Голубеву, профессору РГГУ д. ист. наук Л.А. Молчанову, руководителю Отдела специальных исторических дисциплин ИВИ РАН д. ист. наук И.Г. Коноваловой, руководителю Центра истории России, Украины и Белоруссии ИВИ РАН д. ист. наук А.В. Шубину, старшему научному сотруднику центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» канд. ист. наук Т.В. Гимону.

Автор глубоко признателен коллегам, оказавшим помощь в поиске новых источников: бывшему архивариусу Института изучения Восточной Европы Бременского университета Г.Г. Суперфину, историку Русского Зарубежья, издателю журнала «За свободную Россию:

⁸⁹ Ср.: Неклюдов С.Ю. Указ. соч. С. 77—78; Байбурин А.К., Левинтон Г.А. О соотношении фольклорных и этнографических фактов. С. 8; они же. К проблеме «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов». С. 231—232.

Сообщения местной организации НТС на Востоке США» Р.В. Полчанинову, докторанту школы Иудаики им. Х. Розенберга при Тель-Авивском университете Н. Канторовичу, сотрудникам музея М.М. Пришвина Я.З. Гришиной и А.В. Киселевой, сотруднику общества «Мемориал» А.А. Макарову, сотруднику отдела использования документов РГАСПИ А.И. Баканову, научному сотруднику Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН канд. филол. наук Н.Г. Комелиной.

Отдельной благодарности заслуживает коллектив Российского государственного архива литературы и искусства, в частности директор архива д. ист. наук Т.М. Горяева, заместитель директора Г.Р. Злобина, а также все сотрудники отдела архивных коммуникаций, возглавляемого Н.А. Стрижковой. Без дружеского участия специалиста отдела хранения РГАЛИ Л.Л. Родионова работа с фондом Главреперткома увеличилась бы втрое.

Автор искренне благодарен также А.И. Баканову за перевод текстов на польском языке и В.Р. Рувинской за перевод анекдотов на иврите.

Необходимо засвидетельствовать глубокую признательность канд. филол. наук А.С. Архиповой, материалы совместной работы с которой цитируются в Указателе десятки раз. По существу она является соавтором комментариев к сюжетам о Сталине, переводчиком ряда англоязычных текстов и человеком, выявившим несколько ценных публикаций, которые стали источниками для настоящего издания.

Самой важной обязанностью автор считает необходимость поблагодарить своих родителей и друзей за терпение, понимание и неизменную поддержку, окружавшие его все время работы над Указателем. Без помощи С.И. и Н.И. Киреевых разговоры о завершении работы над данным изданием были бы столь же смешны, сколь и материалы, в него вошедшие.

Несмотря на значительную помощь коллег и обилие интеллектуальных долгов перед ними, все возможные ошибки и неточности остаются целиком на совести автора. Работа над Указателем продолжается, все замечания по настоящему изданию и информация об упущенных источниках будут с благодарностью приняты по адресу misha.melnichenko@gmail.com.